

Сергей Данилович Кузнецихин родился в 1946 году в поселке Космынино Костромской области. Окончил Калининский политехнический институт. Более 20 лет работал инженером-наладчиком на предприятиях Урала, Сибири, Дальнего Востока. Автор многих сборников стихотворений и книг прозы: «Аварийная ситуация», «Омулевая бочка», «Где наша не пропадала» и др. Член Союза российских писателей. Лауреат Международной литературной премии им. Ф. Искандера. Живет в Красноярске.

Сергей Кузнецихин

НЕ ВСЁ ТАК ПРОСТО

Рассказы

ВАХТОВИК

Когда я бросал в корзину упаковку цикория, трость выпала из моей руки. Я нагнулся, чтобы поднять ее. Осторожно распрямив большую спину, увидел перед собой человека и не то чтобы испугался, но стало как-то не по себе. Он стоял почти впрытик и смотрел прямо в глаза: небритый, с серыми запекшимися губами, мутными глазами и дрожащим кадыком. И голос у него дрожал.

— Уважаемый, возьми банку «Балтики», помираю.

Возникший непонятно откуда, он стоял напротив меня, загораживая дорогу. На лбу блестела испарина. Он не притворялся, его действительно ломало, казалось, если он не получит глоток спасительного пива, рухнет на пол, не осилив и шага. Смотреть на него было жалко. Возвращаться на поиски банки «Балтики» не хотелось, и я взял с ближайшего стеллажа бутылку «чешского».

Пиво отдал ему, не отходя от кассы, а пока забирал сумку из ячейки камеры хранения, мужик исчез, забыв поблагодарить. Это меня почему-то зацепило. Может, потому, что я не слишком сердо-

лен и сам никогда не отважился бы попросить у постороннего человека. Я даже сигарету стрелнуть на улице стесняюсь. Впрочем, на благодарность я и не рассчитывал. Отвязался и ладно. Но я ошибся, никуда он не делся. Вынырнул из темноты скверика, но не затем, чтобы поблагодарить.

— Уважаемый, я банку «Балтики» просил, а ты мне какое-то другое дал.

— Да какая тебе разница? Из бутылки пить даже удобнее.

Пиво он успел принять. В голосе появилась уверенность, он уже не казался умирающим. Вылечил бедолагу.

— Возьми банку «Балтики».

— Обойдешься, — разозлился я.

Мне надо было пройти вдоль дома и заскочить в другой магазинчик, там продавались дешевые сигареты. Шел не оглядываясь, надеялся, что он отстал. Хожу медленно, с батожком не разбежишься. Но он, видимо, притормаживал себя, чтобы не светиться и на крыльце магазина вырасти передо мной.

— Купи банку «Балтики».

— Слушай, отвяжись. Сказал же — хватит!

Узенькая дверь магазинчика позволяла войти только одному, и на какое-то время мы оказались лицом к лицу. Он не был похож на бомжа. Не знаю, чем испугал и разжалобил он при первом взгляде. Теперь передо мной стоял красивый блондин с голубыми глазами. Ожил мужик, даже спина выпрямилась.

Я вошел в магазинчик. Он протиснулся следом. За моей спиной была стеклянная дверца холодильника с его «Балтикой». Он молча кивнул на нее, я сделал вид, что не заметил его кивка, взял три пачки сигарет и повернулся к выходу.

— А банку «Балтики» для меня, — напомнил он. Наглости в голосе не слышалось, но в нем звучало заунывное, раздражающее упорство.

— Отстань! Ты уже получил свое и будь доволен.

Дом наш длинный, я дохромал до подъезда и присел на лавочку перекурить на свежем воздухе. Пока шарился по карманам в поисках зажигалки, снова возник он и пристроился рядом. Отследил, куда я пойду, видимо, все еще надеялся, но сидел молча.

— Слушай, а тебе не стыдно кланчить у пожилого инвалида? Все-таки молодой, здоровый.

— Стыдно, — торопливо согласился он, — но очень надо.

— Так вроде подлечился уже?

— Подлечился, только еще бы чуть-чуть.

— А потом еще и еще. Знакомая история.

— Нет, одну банку и больше ни капли. Я же вахтовик. Вчера домой вернулся и загулял на радостях.

— Ну, не мог же ты все посадить!

— Нет. Деньги жене сразу отдал, да они у меня и сейчас при себе имеются.

— Как? — не понял я.

— Да так, — и он вытащил из кармана зеленую тысячную купюру.

— Тогда почему кланчишь и унижаешься?

— Тебе этого не понять. Если разменяю, то снова нажрюсь, а я жене обещал трезвым вернуться.

ДЕНЬ, ВЕЧЕР, НОЧЬ

Поздняя осень 90-го. Живу ожиданием первой книги прозы. Накопец-то. И не где-нибудь, а в престижном «Советском писателе». Уже и солидный аванс получил. Инфляция пока еще не пугает, да и не знаю толком, что она из себя представляет, даже не догадываюсь о ее аппетитах. Не советское это понятие. Для человека, рожденного после войны, — неизведанное. Хотя советская власть уже трещит по всем швам. Центральные журналы наперегонки печатают Солженицына, Войновича, Аксенова... Московская знакомая сетует, что купила за червонец полуслепую ксерокопию «Котлована», а через год его напечатали в «Новом мире». Гласность вселяет надежды. От перестройки еще не устали. Единственное, что напрягает, — сложность с добытием выпивки. Но наш народ и не такие сложности всегда готов преодолеть.

В середине дня, еще засветло, заявляются два поэта, мой приятель Саша Елишев, а с ним Рашид Зарипов, давний, но не близкий знакомый. У Рашида в кармане полбутылки спирта. Оказалось, что поклонница его творений работает на заводе «Медпрепаратов», и в трудные минуты всегда выручает. На «Медпрепаратах» спирт безопасный, но пить я отказался, сослался, что час назад пообедал, а на полный желудок как-то не потягивает. Отговорка не очень убедительная, особенно для тех, кто меня знает, но уговаривать не стали: «Нам больше достанется», — якобы пошутил Рашид и потребовал закуску. Нагловатый мужик. Если честно, из-за него я и отказался пить, ходили устойчивые слухи, что он «постукивает». Страхи перед всесильной конторой вроде бы должны остаться во вчерашнем дне. Бывшие правоверные коммунисты дают антисоветские интервью, а бывшие члены крайкома заверяют, что пострадали от советской власти, против которой боролись всю жизнь.

Никто ничего не боится. Но приводят к тебе в гости стукача, и чувствуешь себя как-то напряженно. При этом вовсе не уверен, что он действительно стукач — мало ли что могут наговорить на человека — а все-таки невольно начинаешь следить за собой, как бы не сболтнуть лишнего. Но не выгонять же, коли пришли в гости?! Нарезал им хариуса, заправил маслом грибы, поставил две рюмки. Сидим, выпиваем, то есть выпивают они, а я присутствую. Подглядываю, можно сказать. А что остается — трезвому? Ходило в интеллигентских кругах поверье — если человек в незнакомой компании активно ругает власть, значит, он или дурак, или провокатор. Помимо воли прислушиваюсь. Но Рашид говорит только о стихах. Вспомнили недавно открытого для себя Георгия Иванова, его «отвратительный вечный покой». Спору не было — великие стихи. Спирт зелье коварное, доходит медленно, но резко. Гостей развезло. Голоса стали громче, суждения категоричнее, но никаких политических провокаций Рашид не подбрасывал, напрасно я грешил на ославленного, в том застолье его волновали только стихи, но если Елишев, даже пьяный, больше говорил о чужих, Рашиду приспичило читать свои выстраданные и недооцененные. И не какую-нибудь лирику, а историческую поэму. Все мы в то время практически не печатались, поэтому многое помнили наизусть. Но, видимо, медицинский алкоголь сыграл злую шутку, и автор запутался уже в прологе. Остановливался, извинялся, обещал вспомнить, начинал сначала, надеясь взять с разгона, и снова упирался в провал. Требовал рюмку для освежения памяти.

Хорошо, что бутылка быстро опустела, а желание добавить настойчиво повлекло на поиски.

Проводил.

Можно сказать — выпроводил.

Но не прошло и часа, как появился новый гость, слава богу, не поэт. Старый знакомый по работе в наладке Шура Трошев. Ввалился пьяный и, не раздеваясь, вытащил из кармана бутылку. В гости он заходил очень редко, отношения с ним сугубо производственные, но иногда он прихватывал меня на своей «ниве» по грибы. Да и отработали в наладке полтора десятка лет, а наладка — это особая каста или, как теперь принято называть «субкультура»: в ней даже враги считаются родней. Не у каждого хватает терпения много лет подряд мотаться безвылазно по командировкам и жить по месяцу (а то и по два) в рудничных гостиницах с удобствами на дворе.

Трошев — одна из легенд наладки. Имея за плечами заштатный техникум, он, что называется, нутром чувствовал котел, теоретически объяснить не мог, но всегда находил верное решение. Самый знаменитый подвиг Трошев совершил в Лесосибирске. На ТЭЦ комбината смонтировали новую модификацию котла, а запуститься не смогли. Шура накануне сломал шейку бедра и передвигался только на коляске. Вызвали специалистов из Питера. Бились около месяца и все без пользы. Апломб действует на провинциальных начальников и гостиничную службу, а капризная техника требует нестандартных извилин. Дым из трубы пустили, а выйти на проектные параметры не получалось, не тянул агрегат. Ну а пар, как всегда, нужен позарез. И тогда заказчик снарядил санитарную машину, загрузили в нее нашего героя в кресле-каталке и повезли за 300 километров разруливать аварийную ситуацию. Как пускать большой котел и вести наладку сидя в инвалидном кресле, лично я плохо представляю. Но Трошев справился. Осчастливил город теплом и светом. Когда возвратили домой, позвонил и нетвердым голосом похвастался, что утер нос некоторым великим специалистам из легендарного города.

Лет пять он пробыв в Монголии, заработал талон на «Ниву» и приобрел две вредные привычки, стал выпивать и политизировался. Если пьянство, пусть и с натяжкой, можно связать с жизнью на чужбине, то интересом к политике заразили москвичи, с которыми в Монголии пришлось очень тесно общаться. До отъезда туда он почти не выпивал, был молчун и кроме работы, грибов и рыбалки его ничего не интересовало. Впрочем, и время подошло политизированное. Люди начали читать газеты, а в них сенсационные разоблачения из недавнего прошлого и текущий, густеющий день ото дня криминал, открывающий мирному обывателю шокирующие подробности тюремного быта.

И вот заявляется пьяный приятель и ошарашивает признанием:

— Я убил свою бабу. Спрячь меня, хотя бы до утра.

Веселенькое признание. В какие только передрыги не попадал, но даже самые нервные выяснения отношений до убийств не доходили. Стою и не знаю, что сказать, как реагировать. Верить ему страшно, да и не верю я. Точнее, уговариваю себя не верить. Но слово-то громкое, эхо от него застряло в мозгу и не исчезает.

Вот они, издержки разъездной работы! Частые и долгие разлуки укрепляют любовь разве что в дамских романтических стихах. Постоянные командировки семейному счастью не способствуют. И у него, и у нее

копятся подозрения, претензии, обиды. Жена у Шуры из тех красавиц, которые постоянно провоцируют мужицкое желание. И вроде как погуливала. Мне казалось, что он об этом давно догадывался. К тому же в последнее время стала и попивать. Частенько запивали на пару. А по пьяни всякое могло случиться. Шура мужик не агрессивный, но пьяная женщина всегда на грани истерики. Украдкой осматриваю гостя — лицо не исцарапано, руки не в крови. Но мужик он здоровый, ручищи тяжеленные, одного удара могло хватить. Отвел его на кухню, прошу успокоиться и рассказать все по порядку. Но ничего членораздельного, даже ругани в адрес жены не слышу. Бормочет, что ему нельзя в тюрьму, он там не выживет. Пытаюсь разузнать, что же все-таки произошло, а он все про тюрьму, в которую боится попасть. Языком еле ворочает. От чая отвернулся. Показал пальцем на водку и тут же забыл про нее. Когда голова свалилась на грудь, я спрятал бутылку в холодильник. Он мутно посмотрел ей вслед, но ничего не сказал. До дивана вел полусонного. Уложил, перекурил и сам успокоился. Твердо уверовал, что никакого смертоубийства не случилось. Желание, наверное, было, но вовремя уехал, а пьяные мозги дорисовали желаемое.

Впору и самому было выпить от избытка впечатлений. Открыл холодильник, подержал бутылку в руках, но пить чужую дефицитную водку постеснялся. Налил себе чая, благо, что не успел остыть.

А часам к одиннадцати явился еще один гость. Звонок был долгий и настойчивый. Откровенно пьяный звонок. Первое, что подумал — убиенная жена явилась забирать поллитровку, украденную мужем. Не угадал. На пороге стоял прозаик Шамко. На днях ему прислали договор из московского издательства. Рукопись, вылежавшая два срока и в собственном столе, и в редакционном, наконец-то, получила одобрение. Как тут не загулять? Сам прошел через эту изнурительную пытку безнадёгой. Чем длиннее эта полоса, тем сильнее перепад собственного отношения к изданной книге от ненависти до нежнейшей любви. Но мне было все-таки немного проще. Мой праздник пришел в сорок лет, а ему перевалило за полтинник. Когда запоздалая радость приходит в критическом возрасте, одной бутылкой не обойдешься. И одним днем — тоже. Начал дома, не хватило, пошел искать — до боли знакомый сценарий.

— У тебя есть? — спросил прямо с порога. Лицо страдальческое, голос робкий, но переполненный надеждой. Разочаровывать было жалко, но водку, спрятанную в холодильник, принес Шура. Я знал, что ночью он обязательно проснется и ему будет намного тяжелее, чем брату-писателю. У одного всего лишь затянувшийся загул, у другого — жуткий кошмар с убийством. И я соврал, что спиртного в доме нет кроме одеколона, но Шамко парфюмерию не употреблял. Предложил чаю. Продолжать почти безнадежные поиски, выходить на улицу и куда-то ехать, сил, видимо, не осталось, и он смирился.

Крепкий чай отогрел и приглушил похмелье. Еще до выхода книги он начал второй роман и жил уже в новом замысле. В молодости ему выпали долгие мытарства в Москве среди лимитчиков, о них он и задумал написать. Материала было очень много. Ствол сюжета обрастал ветвями, герои для полноты картины постоянно требовали расширить свое окружение, роман грозился разрастись в эпопею объемом в «Тихий Дон». Он пытался пересказать какие-то сюжетные линии, но сам в них путался, а я тем более. Впрочем, проза, которую он писал, пересказу не поддается,

потому как держится не на сюжете, а на ярком языке, перенасыщенном неожиданными образами. Я всегда говорил, что ему надо писать стихи, а не романы. Представьте себе, что вам кто-то пытается пересказать Пастернака? Приблизительно так же звучал и пересказ его ненаписанного романа. Пьяный фантазирует, гугая не только имена героев, но и эпизоды, а мне, трезвому, приходится слушать этот бессвязный бред и соглашаться.

Сочинитель увлекся, голос набрал силу и разбудил «убийцу». Укладывал Трошева еле живого, однако про бутылку вспомнил сразу, как проснулся. Для него спасательный круг, а для меня позорный крюк. Пришлось оправдываться перед Шамко (так, мол, и так — не имел права распоряжаться чужой водкой). Человек он не мелочный, все понял правильно, да и не до обид, если вожделенная бутылка среди ночи появилась на столе. Выпили они за знакомство, и писатель, увлеченный своим детищем, продолжил пересказывать ненаписанный роман. Если я ничего не понимал, то Шура тем более. Послушал минут пять и в тоске снова взялся за бутылку. Шамко опрокинул в себя рюмку и, не отвлекаясь на закуску, продолжил токовать, не обращая внимания на человека, угостившего его водкой. Шуру такое отношение обидело, не привык он, чтобы его не замечали, отзывает меня в комнату и спрашивает, что за фрукт появился в квартире, пока он спал. Объясняю, что с нами сидит интересный писатель, у которого скоро выйдет роман в столичном издательстве. Должного впечатления информация не произвела, и он предлагает гнать болтуна к такой-то матери. Говорю, что не могу выставить гостя среди ночи. Возвращаюсь к столу. Они выпивают. Я рассказываю писателю, что перед ним сидит знаменитый наладчик, лучший специалист по котлам от Урала до Чукотки, гений своего дела. Сам Шамко тоже считал себя гениальным прозаиком и не совсем без основания, восторженных словес от собратьев по отверженности наслушаться успел достаточно, жил большими надеждами на ближайшее будущее. Мои слова про инженерную гениальность, его не зацепили. Вот если бы я шепнул, что Шура этим вечером убил свою жену и прячется у меня от ареста, тогда бы писатель, может быть, и заинтересовался. Но я не стал интриговать. К тому времени я был абсолютного уверен, что мнимый убийца успел забыть, что напел мне вечером. Пока я живописал его наладческие подвиги, не скажу, что Шура млеет от самолюбования, но и не останавливал меня, изредка поправляя, если я ошибался в деталях. Но на Шамко мои восторженные истории впечатления не произвели. Это был чужой герой, для которого в новом романе места не было. Когда Шура вышел в туалет, Шамко придвинулся ко мне и зашептал:

— А чего он здесь делает? Гони его, и поговорим в нормальной обстановке.

— Нельзя, — говорю, — пьяный, или подерется с кем-нибудь, или замерзнет.

Шамко такая забота почему-то не понравилась. Обиделся и отвернулся к окну. Шура тоже насупился. Сидят молча и смотрят в разные стороны. И сам я боюсь заводить разговор. Хватит. Наслушался. Притих между ними, ни разу не гений, трезвый, а голова раскалывается, как после тяжелого похмелья.

В шесть утра пошли автобусы, выпроводил обоих.

И так захотелось выпить.

Но взять было негде. Одеколон тоже не пью.

СУЧКОВ

После полюбившейся гайдаевской комедии многих Александров стали называть Шуриками. Мы тоже попытались пристроить вошедшее в моду имя к соседу по комнате, но он резко воспротивился, не любил игривости по отношению к себе, всегда хотел выглядеть солидно, хотя фактура не располагала: среднего роста, худощавый, с невыразительным безбровым лицом, и при этом исходила от него какая-то убедительность. Жесткое сухое рукопожатие, за которым угадывалась жилистая сила, может быть, единственное, что выдавало его характер. Нам было по двадцать лет, и мы вели себя, как шалопаи, а Сучков был уже взрослым.

Он приехал с Борькой Лабзовским из Вышнего Волочка: учились в одном классе, сидели за одной партой и поступили на один факультет на одну специальность. Остальное резко не совпадало: Борька был отличником, а Сучков учился средненько, отец Борьки был главным инженером фабрики, а мать Сучкова работала ткачихой. Расклад вроде бы должен подталкивать к несложным выводам — скромный мальчик прибил к первому ученику, да еще и сыну большого начальника, только не все так просто. Безалаберный Борька никогда не подчеркивал свои преимущества, может, даже и не задумывался о них, держался с другом на равных, да и Сучков не заискивал перед ним. Когда переселились из родного Волочка в студенческую общагу, все преимущества затусhevались, они оказались ровней. Догадываюсь, что и дома Борька не кичился своим положением, а Сучков, скорее всего, постоянно чувствовал разницу, но глубоко прятал в себе. Мне он, как бы между прочим, поведал, что Борькин предок большой человек в их городе, сама Валентина Гаганова (была в те годы знаменитая ткачиха) работала на его фабрике, и с Фурцевой, которая начинала карьеру в их городе, ходил в друзьях. Не Борька похвастался, а он. Мы жили в комнате на троих, крайней по коридору. Остальные были четырехместные. Сучков намекал мне, что это не случайное везение, а благодаря влиятельному отцу. Впрочем, о своем городе говорил с некоторым налетом брезгливости, считал его замшелой провинциальной дырой и рад был, что вырвался оттуда. А Борька, наоборот, считал Вышний Волочок очень уютным, особенно умилялся мостиками через узенькие каналы. В первое время он не упускал возможности съездить домой, хотя бы на пару дней. Он и в институте учился легко, лекции прогуливал, особенно утренние, но сессии сдавал без «хвостов». Факультетская команда КВН, в которой он был капитаном, волновала его больше занятий. Играл он хорошо — остроумный, парадоксальный, раскованный на грани приличия, постоянно щеголяющий цитатами из Ильфа и Петрова. Он и Сучкова затащил в команду и не только по школьной дружбе. Они работали на контрасте, как принято у комиков. Большой, толстый, красномордый Борька, брызжащий избытком шуток и сухонький резонер, охлаждающий бурный темперамент, удачно дополняли друг друга. Все были уверены, что репризы выдумывает Борька. Сучков на авторство не претендовал, предпочитал оставаться в тени, но иногда прорывалось, что главный в этой паре все-таки он.

Когда появлялись деньги, или просто созревало желание выпить, мы брали по большой бутылке «гнилушки» (так в городе называлось фруктово-ягодное вино) и рассаживались по койкам. Выпивали без девиза «поднимем стаканы, содвинем их разом». Каждый ставил свою бутылку возле ног на полу, чтобы успеть спрятать под кровать, в случае негандан-

ного рейда студсовета. Завел этот порядок благоразумный Сучков. Сначала мы посмеивались над излишней конспирацией, а потом привыкли и воспринимали, как оригинальный ритуал. Правда, не припомню, чтобы эта предосторожность нас когда-нибудь выручала, случая не представилось. Комната была на хорошем счету у коменданта — ребята не скандальные, пьяные по коридору не шатаются. Если и случались споры на повышенных тонах, то при подготовке к очередной игре в КВН или сразу после игры. Горячился Борька, не скупился на претензии к другу и себя не щадил. Каялся, что где-то необдуманно поспешил с ответом, в другом месте надо было не с той стороны поддеть противника, а в третьем — вообще, чуть спорол. Сучков за свои промахи не оправдывался, только посмеивался, виноват, мол, что с меня, тупого взять. Замолкали, выпивали по глотку из своих бутылок и продолжали обсуждать игру. Когда Борька впадал в самобичевание, друг молча кивал, а когда пускался в хвастовство, вдохновляюще подбадривал — давай, мол, давай, можешь даже зеркало поцеловать. Каялся Борька с большим энтузиазмом, нежели хвастался удачными ответами и шутками, надеялся, что мы начнем успокаивать его, дескать, зря наговариваешь на себя, не все было так плохо, как тебе кажется. Сучков не мешал самобичеванию. Подливая масло в огонь, вспоминал мелкие промашки, о которых тот умалчивал. Борька нервничал, хватался за свою бутылку, которая, на его удивление оказывалась пуста. Зато у Сучкова оставалось больше половины.

Подобное случалось и при валютекущих, якобы философских беседах. Наше вино всегда заканчивалось раньше. А поделиться он никогда не предлагал. Допивал в одиночку, демонстративно побрякивал после каждого глотка и резонерским тоном увещевал, что никто не заставлял нас жадничать. И такие посиделки с вином продолжались до конца учебы.

На преддипломную практику я уехал на уральский завод, а они остались на кафедре. Борька нацелился на аспирантуру, уже и с руководителем определился, а Сучкову просто не хотелось уезжать из города, не потягивало его на завод, надеялся как-то зацепиться в институте.

Не видевший ничего кроме рабочего поселка в Ярославской области, я вернулся переполненный впечатлениями, но при первой же встрече с друзьями, мои открытия и восторги отошли на второй план. Ребята влипли в серьезную передрагу. Борьку зацепило по касательной, даже в свидетели не попал, а над Сучковым нависли тяжелые тучи.

Все начиналось, можно сказать, невинно. Выпили ребята по традиционной бутылке «гнилушки» — и потянуло на приключения. Напротив нашей общаги стояла такая же, для студентов горного факультета. Горным его называли для красивой вывески. Справедливее было бы назвать болотным, потому как основная специальность на факультете была «разработка торфяных месторождений». Конкурса туда не было, достаточно было сдать на троечки. Многие поступали по направлению от предприятий — девицы в возрасте и не только с производственным опытом. На одной из игр КВН нашей команде задали вопрос: «Как организовать в городе публичный дом?». Борька среагировал мгновенно: «Повесить на общезжитии горного факультета красный фонарь». Не только игрокам, но и членам жюри шутка понравилась, но на другой день Борьку пригласили в деканат и провели разъяснительную беседу.

Выпили ребята, пофилософствовали и решили сменить обстановку. А куда податься? Ясно, куда. У Сучкова дорога была натоптана, а Борька увязался за компанию в надежде на свободную соседку. Дверь в нужную

комнату была заперта, но им показалось, что оттуда слышны голоса. Постучались. Голоса пропали. А двери в общежитии хлипкие, клееные. Если резко толкнуть плечом — прогибаются. Сучков кивнул громоздкому приятелю. Тот приложился своими ста килограммами и дверь распахнулась. Подружка Сучкова сидела на кровати с каким-то щупленьким кавказцем. Сучков велел другу вытащить его из комнаты, а тот и не сопротивляясь, сам выскочил в коридор и сказал Борьке, что у него есть хорошее вино.

Когда Борька среди ночи добрался до своей койки, Сучков уже спал.

Утром пришли какие-то люди из студсовета, подняли не проспавшего Бориса и кое-как объяснили, что его друг избил девушку, не просто ударил, а избил так, что соседкам по комнате пришлось вызывать скорую помощь, Сучкову настоятельно рекомендовали идти к пострадавшей и упрощать, чтобы не подавала заявления в милицию. И он явился к ней и упросил. Но про скандал узнали в деканате. Все шло к тому, что парня могут отчислить перед самой защитой диплома. Сучков ходил мрачный, но не паниковал, не каялся, что бес попутал, не пытался оправдаться и свалить вину на распутную девицу. Казалось, что Борька переживает сильнее, чем виновник. Не понимал он, как такое могло случиться с парнем, который никогда не давал волю эмоциям, он даже не подозревал, что эти эмоции имеются у Сучкова. Не понимал старый друг, а я — тем более. Надо было писать дипломные работы, и мы целыми днями просиживали в читальном зале. Закончились наши привычные вечерние разглагольствования. Сучков лежал, отвернувшись к стене, и читал своих любимых братьев Стругацких. Без надобности старались его не беспокоить. Ждали, что решат в деканате, все-таки оставалась слабенькая надежда, что напряженная ситуация без заявления пострадавшей рассосется сама собой. А если не рассосется? Что дальше? Выслушивай, студентик, справедливый приговор, собирай чемоданчик и возвращайся с позором в нелюбимый Вышний Волочок? А приговор-то действительно справедливый. Борька понимал, что Сучкову нет оправдания — поступок не мужской, грязный, и дальше напрашивался длинный ряд неприятных определений. Сам бы он никогда не опустился до такого. Но он был азартный игрок и поставил перед собой адвокатскую задачу — выиграть безнадежное дело.

Все знали, что наш декан свысока смотрит на преподавателей торфяного факультета, считает их низшей кастой. И Борька решил сыграть на его снобизме, рассчитывая, что декан не смирится, что его студента дипломника отчислят из-за какой-то «торфушки». На правах будущего аспиранта явился к нему в кабинет и в нужном свете объяснил ситуацию. Рассказал, что Сучков вырос без отца, мать рядовая ткачиха из последних сил, в одиночку выучила сына и не переживет, если все ее старания окажутся напрасными. Надавил на жалость и заверил, что парень глубоко раскаивается. Впадая в пафос, добавил, что даже с государственной точки зрения нельзя отчислять инициативного, энергичного молодого специалиста, который, без сомнения, не останется в тени на любом производстве. Сучков — личность, а кто эта второкурсница с торфяного, за которой после каждой сессии тянутся хвосты. Если даже ее не отчислят за неуспеваемость, что она принесет на производство, кроме профессиональной беспомощности, давая лишний повод злопыхателям, будто их институт готовит плохих специалистов.

В расчете на мужскую солидарность, особо подчеркнул, что Сучков считал девицу своей невестой, оттого и случился нервный срыв, когда

застал ее с любовником. У декана была красивая жена, и Борька был уверен, что старик ее постоянно ревнует.

Подробности визита он не без гордости пересказал мне в красках, когда мы сидели в комнате одни.

Сучкова не отчислили.

Вполне вероятно, что беседа с деканом прошла не зря. Когда сели выпивать, Сучков держался спокойно, только попросил, чтобы не вспоминали эту дурацкую историю. Сидели традиционно, каждый со своей бутылкой. И у Борьки и у меня вино кончилось быстрее.

Еще до защиты дипломов Сучков, предупредив нас, чтобы пока никому не болтали, похвастался, что его пригласили на работу в КГБ.

— А они знали об этом случае? — изумился Борька.

— Конечно, знали, контора серьезная, вслепую не приглашают... — И, не дождавшись нашей реакции, добавил: — Серьезная контора.

